

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

(Окончаніе).

IX ¹⁾.

Займодавцы и должники. Заказчики и мастерские люди. Хозяева и жильцы.

На всемосковскомъ торжищѣ шла бойкая торговля въ долгъ, и часто возникали недоразумѣнія между займодавцами и должниками. Иногда эти недоразумѣнія разрѣшались мирно законнымъ порядкомъ на съѣзжѣ дворѣ. Такъ, Кожевницкой полусотни тяглець Егоръ Яковлевъ въ 1693 году искалъ долга на вдовѣ торговаго челоуѣка Аннѣ Ивановой; послѣ повальнаго обыска истецъ „взялъ себѣ на душу, что отвѣтчику ему отдать долгъ“, т. е. пошелъ на присягу; послѣ этого Иванова заявила, что „заплатить ему въ Китаѣ-городѣ на съѣзжѣ дворѣ передъ судьями“.

Иногда займодавцы ловили должниковъ на улицѣ и приводили на съѣзжій дворъ: въ іюнѣ 1687 года верховой истопникъ Евтифѣй Ананьевъ поймалъ на Красной Площади портного, занявшаго у него за годъ передъ тѣмъ деньги „для товару на куплю портного мастерства“; Ананьевъ былъ довѣрчивъ и зналъ только, что портного „зовутъ Игнашкою“, а „чей сынъ того онъ не зналъ“, но портной не оправдалъ довѣрія и на съѣзжѣ дворѣ во всемъ заперся.

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1910 г.

Но нерѣдко займодавцы и должники предпочитали судебной процедурѣ кулачную расправу. Одинъ, напримѣръ, торговецъ морковью на Живомъ мосту встрѣтился въ Китаѣ-городѣ съ другимъ торговцемъ морковью, взявшимъ у него деньги взаймы, и сталъ ему „говорить про долговья деньги про четыре рубля“; въ отвѣтъ на это должникъ „ему тѣхъ денегъ не отдалъ, а его бранилъ и безчестилъ всякими неподобными словами“, а потомъ на Живомъ мосту уже „билъ и увѣчилъ и въ водѣ было утопилъ“; другой займодавецъ, Садовой Слободы тяглець Максимъ Аванасьевъ пришелъ за долгомъ къ торговому человѣку Семену Степанову, который „учалъ его бранить и безчестить и бить и увѣчить и бороду выдралъ“, что подтвердилось и осмотромъ Аванасьева, у котораго „на правой сторонѣ борода была выдрана и на правой рукѣ ошибено до крови и петли у кафтана ободраны“. Иногда займодавецъ не оставался въ долгу передъ драчуномъ-должникомъ. 3 мая 1687 года подрались займодавецъ квасникъ Семеновъ и должникъ лавочникъ Ивановъ; Семеновъ утверждалъ, что Ивановъ „учалъ его бранить и бить смертнымъ боемъ и прошибъ ему голову стругомъ (рубанкомъ)“, но Ивановъ показывалъ, что Семеновъ первый „началъ его за горло давить, и онъ, отъ себя боронясь, зашибъ его стругомъ, что окончины дѣлаютъ“. Иногда столкновения происходили изъ-за самыхъ пустячныхъ долговъ: такъ, галичанинъ посадскій человѣкъ Семень Савельевъ 26 мая 1687 года, т. е. уже въ четвергъ на первой недѣлѣ Петровокъ, пришелъ за долгомъ къ Шапочнаго ряда торговому человѣку Василю Степанову, который былъ ему долженъ одну деньгу за рыжики, купленные еще Великимъ Постомъ; но соблюдавшій строго посты Степановъ, несмотря на постъ, „учалъ бранить грибовщика всякою неподобною бранью и ударилъ его въ груди рукою“ и въ концѣ концовъ заперся во всемъ, говоря, что и грибовщикъ къ нему „не прихаживалъ“, и онъ его „не бивывалъ“ и даже самыхъ рыжиковъ „не покупывалъ“ ¹⁾).

Иногда столкновения займодавцевъ съ должниками происходили внѣ Китая-города: 18 іюня 1687 года торговый человѣкъ Жемчужнаго перекрестка Никита Трофимовъ шелъ мимо Мучного ряда и у церкви Настасьи Премудрыя ²⁾ встрѣтилъ своего должника Барашской слободы тяглеца Ивана Иванова; должникъ „билъ яица, и за тѣ яица у него яичники сняли кафтанъ и рубашку“; увидавъ

¹⁾ Пр. 1061, 48, 64; Пр. 1512, 204, 294.

²⁾ На площади Охотнаго Ряда, застроенной тогда лавками, противъ Дмитровки и до конца XVIII вѣка стояла церковь Анастасіи Узорѣшительницы.

у него, Ивашки, осарапилъ до крови, и жена его, Ивашкина, учала кричать, а билъ его, Андрюшку, онъ, Ивашка, отъ себя боронясь, а, на которыхъ онъ, Андрюшка, сапожниковъ слался, и тѣ сапожники его, Ивашку, били съ нимъ, Андрюшкою“. Вообще понедѣльники, повидимому, доставляли не мало матеріала для уголовной хроники сѣзжаго двора. Въ понедѣльникъ 22 августа 1687 года жена челоуѣка кн. Голицына Федосья Хвостова пришла въ Китай-городъ къ своей матери и встрѣтилась у нея со своимъ братомъ портнымъ мастеромъ Никономъ, который, будучи, вѣроятно, въ понедѣльничномъ настроеніи, „билъ ее и увѣчилъ“: сестра, правда, не осталась въ долгу и „у него, Никонки, выдрала бороду“; дѣло не кончилось втихомолку по семейному, но было перенесено на сѣзжій дворъ. То же самое вліяніе на мастеровыхъ людей имѣли знаменитыя „засидки“, искони начинающіяся съ Рождества Богородицы; по крайней мѣрѣ, въ самый этотъ праздникъ въ 1693 году костромитинъ посадскій челоуѣкъ Антонъ Карповъ, жившій „въ Подгорѣ у Ивана Суздальца въ подклѣтѣ изъ найму понедѣльно“, билъ челомъ на жильца того же дома сапожника Гаврилу Теокистова, который „бранилъ его и безчестилъ всякими неподобными словами, невѣдомо за что“. Вообще въ густо населенномъ Китаѣ-городѣ часто происходили ссоры и драки между жильцами, нанимавшими въ домахъ горницы и подклѣты: крестьянинъ, напримѣръ, Петръ Федоровъ, жившій въ подклѣтѣ понедѣльно: у церкви Николы въ Углу ¹⁾ попа Фомы, сталъ приставать къ свояченицѣ другого жильца „дѣвицѣ“ Афімѣ, „бранилъ ее и безчестилъ всякою неподобною бранью и говорилъ непристойныя слова“, Афімья оказалась не робкаго десятка и „за то она, дѣвка, его, Петрушку, по щекамъ била и голову проломилла“; на Смоленскомъ подворьѣ (на углу Варварки и Кривого переулка) подъячій Сибирскаго приказа Степанъ Протопоповъ поставилъ лошадь, стоявшій же на этомъ подворьѣ смоленскій рейтаръ Никита Корчагинъ, „взявъ дубину, ударилъ лошадь дубиною по задней правой ногѣ, невѣдомо для какого вымыслу, и ногу у той лошади переломилъ“, а Протопопова „бранилъ и безчестилъ“.

Вообще нельзя сказать, что квартирный вопросъ не существовалъ въ острой формѣ и въ XVII столѣтіи. Это видно изъ отношеній между разряднымъ подъячимъ Климомъ Суровцовымъ къ его домохозяину, Мытнаго двора подъячему Василию Алексѣеву. Въ маѣ 1693 года Суровцовъ нанялъ у Алексѣева „подклѣтъ съ сѣнями“

¹⁾ Упраздненная въ концѣ XVIII вѣка церковь у самой стѣны рядомъ съ церковью Зачатія.

Хаврошку, не бивала и не увѣчивала, и бить ее, Хаврошку, и увѣчить не за что и не кому, и высылаетъ она, Матрена, ее, Хаврошку, изъ горницы вонъ для того, что она поручной записи по себѣ не даетъ, а по указу Великихъ Государей безъ поручныхъ записей никого держать не велѣно*. Показаніе просвирни, твердо стоявшей на почвѣ паспортнаго устава, тѣмъ не менѣе сомнительно, такъ какъ, во-первыхъ у Хаврошки все-таки „верхняя губа и носъ были расшибены до руды и вслухло“, во-вторыхъ, просвирня вообще не отличалась благонадежностью.

Просвирня имѣла какія-то темныя дѣла съ пріѣзжими въ Москву греками сомнительной репутаціи; грекъ Федоръ Аванасевъ, торговавшій драгоценными камнями, утверждалъ, что просвирня „покупала у него товару, всякое камень“, и что онъ былъ у нея одинъ; жильцы же просвирни показывали, что „видали его въ томъ домѣ по многое время, ночуетъ у тое просвирни съ нею въ подклѣтѣ, и иные греки пріѣзжаютъ многіе, ночуютъ“; „а для какого дѣла, того не вѣдаемъ“, говорили осторожные жильцы. Но сосѣдъ просвирни иворныхъ шалашей торговый человѣкъ Федоръ Елисеевъ безъ стѣспенія показывалъ, что грекъ ѣздилъ къ просвирнѣ „для блуднаго дѣла“, и что „пріѣзжаютъ къ той просвирнѣ ночью порою греки и пьютъ и бражничаютъ, и бываетъ у нихъ крикъ и драка“, и, что „онъ, Федка, отъ тѣхъ грековъ опасенъ зажегу и смертнаго убивства“. Жильцы просвирни одинъ разъ побили грека, а, по его словамъ, и ограбили его. Грекъ искалъ на Елисеевъ безчестья, но дѣло было передано въ Посольскій прилазъ, гдѣ были „вѣдомы окладъ ему и безчестье“¹⁾.

Хорошей иллюстраціей нравовъ торговаго населенія Китаягорода могутъ служить злоключенія разряднаго подьячаго Максима Гнѣвышева, чиновника Разряда, учрежденія, которое имѣло высшій надзоръ за дѣятельностью самого съѣзжаго двора. 3 іюня 1698 года Печатнаго двора отставной батырщикъ Лука Евтифѣевъ взялъ у Гнѣвышева Слѣдованную Псалтырь, цѣною 2 рубля, а, когда Гнѣвышевъ 11 іюня пришелъ къ батырщику „за тое Псалтырь денегъ просить“, Евтифѣевъ „учалъ его бранить и безчестить“.

Большая часть лѣта прошла благополучно, но 7 августа Гнѣвышевъ за часъ до вечера шелъ на Пятницкую черезъ Москворѣдскій

¹⁾ Пр. 1061, 31, 180, 222; Пр. 1512, 152, 162, 225, 270, 238; Пр. 1549, 100—117; Пр. 1716, 79, 119. По официальному свидѣтельству, въ концѣ XVII вѣка „гречане учали пріѣзжать самые молодчіе люди и не для прямого торгу“, продавали, напримѣръ, „вмѣсто алмазовъ и иныхъ узорочныхъ камней поддѣланыя стекла“ (не ихъ ли покупала оборотливая просвирня?) и „торговали виномъ и табакомъ“ (Акты Арх. Эксп., IV, № 214).

мость; на мосту на него „наѣхалъ“ ѣхавшій на извозчикѣ Свѣчного Воскового ряда торговый человекъ Степанъ Дмитриевъ; кунцу не понравилось, что Гнѣвышевъ подвернулся подъ лошадь, и онъ „учалъ его бранить и безчестить, невѣдомо за что“. Но настоящія несчастія были впереди. 11 сентября Гнѣвышевъ былъ за Покровскими воротами у Лѣснаго ряда (близъ церкви Троицы на Грязяхъ); здѣсь на него напалъ торговый человекъ Шапочнаго Мужского ряда Иванъ Семеновъ и „незнаемо съ какими со многими людьми учали его бить и увѣчить и опояску съ ножомъ съ него оборвали и унесли, цѣною въ 3 рубли съ полтиною“.

Черезъ 9 дней 20 сентября Гнѣвышевъ шелъ изъ приказа черезъ Китай-городъ, и у Гостиного Двора „напалъ на него Нижняго Москательнаго ряду торговый человекъ Анисимъ Андреевъ невѣдомо съ какими людьми и учали его бить и увѣчить и бранить и безчестить и деньги изъ рукъ съ кошелькомъ выхватили, а въ томъ кошелькѣ были полтора рубли, и кафтанъ на немъ изодрали“¹⁾.

Четыре скандала въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ, при чемъ два раза подъячій былъ битъ, а три раза понесъ убытки, это черезчуръ много даже для старой Москвы! Грубое презрѣніе къ общей пользѣ и интересамъ ближняго, беззастѣнчивый обманъ въ торговлѣ, безсовѣстная ябеда на судѣ, кулачная расправа, любезная всѣмъ отъ объѣзжаго головы до послѣдняго квасника съ Красной Площади—вотъ итоги „жестокихъ“ нравовъ Московскаго Китая-города XVII вѣка!

В. Шереметевскій.

¹⁾ Надо имѣть въ виду, что въ предшествовавшемъ 1692 году Гнѣвышева также били тяглецы Конюшенной Сыромятной слободы Иванъ Андреевъ съ товарищи (Пр. 1250, 19—21). О Гнѣвышевѣ см. Пр. 1512, 104, 160, 228 и Пр. 1716, 534.